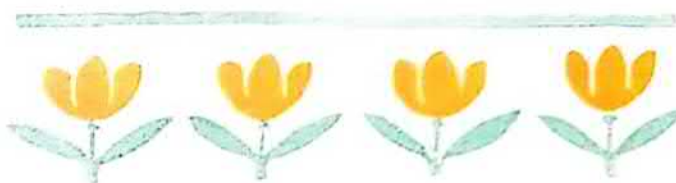
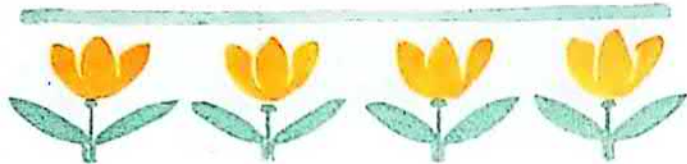

Анна Гарф,
Павел Кучияк

ЛЕСНОЙ МАЛЬЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1971

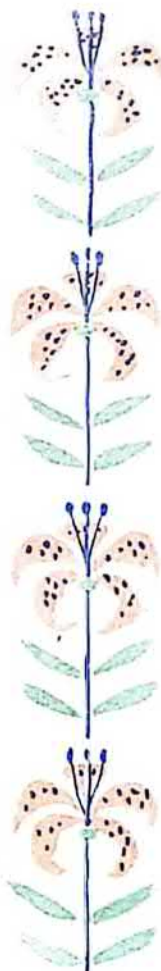

Н

а голубом Алтае, на золотом Алтае, на подоле синей горы, на берегу молочного озера жил мальчик ростом с козлёнка. Шапка у него белычья с шёлковой кисточкой на макушке. Сапожки оленьи мехом наружу. Он ездил верхом на зайце. И никогда мальчик этот не плакал. Скучно станет — дунет в сухой стебель, стебелёк поёт; тронет пальцем паутинку — она звенит.

И вот однажды дети позвали этого мальчика в гости. Прискакал он на своём удалом зайце, спешил. Кедровые орешки стал вместе с детьми щёлкать, в камешки играть. Потом позвал ребятшек в лес. Дети взяли из дома масло, ячменную муку, сыр и пошли вместе с мальчиком. Он сидел верхом на зайце и пел. Дети, слушая эту песню-сказку, в сухие стебли дудели, паутинками звенели.

Взрослым людям это не понравилось. Сердито они детей своих домой позвали. Строго грозились. Ослушаться родителей дети не посмели. Броси-

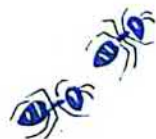

ли мальчику свои подарки — масло, муку, сыр и убежали. Обиделся лесной мальчик и первый раз в жизни заплакал.

Теперь мальчик этот сказочный, как увидит взрослого, прячется. Бывает, белкой обернётся, по ветвям побежит, а то кузнечиком зелёным в траве скроется или сорокой застрекочет, пчелой загудит. Любит мальчик по мелким камушкам скакать с горным ручьём наперегонки. Бежит и журчит вместе с водой. Озорник! Шалостей его не перечесать...

Но случается и притихнет. Путника усталого пожалеет, никому не показываясь, подойдёт к одинокому костру, сказку лесную говорить начнёт. Молодые деревца, вершинки склонив, эту сказку тихую слушают; коростель с болота прибежит, слушает. И заяц удалой к костру подсядет, ушами шевелит, слушает.

Тёмными осенними ночами в горах Алтая у своего костра и мы уши зайца сказочного видели, голос мальчика лесного слышали. Хотите послушать? Слушайте.

ДИЛЬ-КЕЛЬ

В старину, в далёкую старину, все птицы жили на юге, а на Алтае вёснами пели только горные реки да звенели ломкие льдинки.

Однажды эту весеннюю песню воды принёс птицам северный ветер.

Всполошились птицы:

— Кто так славно поёт, кто звенит, ни днём ни ночью не умолкая?

Призвал могучий беркут верного сокола:

— Лети на север.

Не отважился сокол. Страшно было лететь в неведомый край.

Напрасно уговаривал беркут скворцов и трясогузок, дроздов и кукушек. Отказались пуститься в дальнюю дорогу мудрые совы, кроткие зяблики, серые гуси, свирепый ястреб.

Лишь синичка согласилась, взмахнула крыльями и полетела.

— Слушай! — крикнул ей вдогонку беркут. — Если там хорошо, возвращайся скорее, покажи всем птицам дорогу!

— Цици-вю, цици-вю, цици-вю! — засвистала синица. — Вернись-вернись-вернись! Цици-фюить!

Летела синица над морями и реками, над горами и долинами. Сначала спешила, торопилась, часто-часто перебирала крыльями. Но чем дальше она летела, тем было всё холоднее. Живот у неё озяб, крылья отяжелели. И вот увидела она холмистые Алтайские горы. В лучах восходящего солнца Алтай стоял весь розовый. Сверкали, будто огнём охваченные, холмы и долины.

— О, какой жаркий костёр! — пискнула синичка. — Лучше мне сгореть, чем замёрзнуть...

Сложила крылья и упала. Но не в огонь, а на снег. Снега синица не знала, испугалась: „Умру я сейчас...“

Голову склонила, и тут на белом снегу она заметила красное пятнышко, ещё раз взглянула и увидела — это ягодка прошлогодняя!

А рядом, на пенёчке, в трещине, спала завернутая в паутину гусеница. Клюнула синица разок, клюнула другой, и сердце у неё зыграло, живот согрелся.

С каждым днём залетала она в лес всё дальше, еды находила всё больше. Хорошо, оказывается, жить здесь, на Алтае.

И слово своё „вернись-вернись-вернись“ синица забыла.

Но вот однажды зашатались деревья от ветра, почернело небо от птичьих крыльев.

Это летело птичье войско. Впереди всех грозный беркут.

Вспомнила своё обещание синичка, оробела.

А беркут уже кружит над ней:

— Хорошо ли живёшь, синица?

Молчит она, даже хвостик не трепещет.

— Почему обратно не вернулась, — спрашивает беркут, — почему нас в этот богатый край не позвала?

Синица головой повертела, кругом поглядела.

На землю падали, падали белые хлопья, но вдруг из-под снега выглянул голубой глазок, первый подснежный цветок.

Обрадовалась синица, запела:

— Диль-кель! Диль-кель! Весна, приди! Весна, приди! Кланяюсь вам низко, великий беркут. Посмотрите! В этом краю снег из семи туч на землю падает, лёд в пять рядов лежит. Лишь я одна тут с морозом спорю, весну зову. Диль-кель! Диль-кель! Весна, приди! Это по моей просьбе тёплый ветер подул, белый снег потемнел. Я за вами на юг лететь хотела, да песню весеннюю оборвать нельзя. Диль-кель! Диль-кель!

Пела синица, и там, где слышалась эта песенка, снег таял, а на деревьях набухали тугие почки.

— Слушайте, слушайте, великий беркут, смотрите, смотрите! Диль-кель, диль-кель! — звенела синица. — Весна, приди! Весна, приди!

— Ладно, — засмеялся беркут, — на этот раз прощаю тебя. Через год увидим, правду ли ты говоришь.

Вот с тех пор, чтобы обман не раскрылся, синица раньше всех в лесу начинает свою весеннюю песню, а за ней запевают и другие птицы.

ЛЯГУШКА И МУРАВЬИ

Жила лягушка в маленьком круглом озерке. Вот однажды вышла из своего дома и прыг-скок по берегу, прыг-прыг — в лес заглянула, скок-скок — дорогу домой потеряла.

Метнулась туда, метнулась сюда и попала на муравьиную тропу.

Муравьи вскочили ей на спину, вцепились в живот.

— Ква-а, — заплакала лягушка, — ква-а... Ка-ак не стыдно заблудившегося обижать, голодного кусать?

Муравьям стало совестно. Спрыгнули они на землю, низко лягушке поклонились:

— Уважаемая тётушка! Пожалуйста к нам в гости, пищу нашу отведайте, питьё наше пригубите.

Пришла лягушка к муравьям, села на почётное место.

Ела и пила, песни пела и беседу вела, о чём говорила, сама не поняла — так много мёду выпила.

Утром проснулась лягушка. Муравьи давным-давно на работу ушли, только один муравьишка замешкался — после вчерашнего пиршества чашки-ложки убирал.

— Пожалуйста, влезь на эту лиственницу, — попросила лягушка, — посмотри кругом. Не увидишь ли ты, в какой стороне мой дом.

Муравей влез на дерево, кругом посмотрел и говорит:

— Вон там, на западе, блестит ваше озеро. Если хотите, провожу вас самой короткой дорогой.

— Ка-кой ты добрый! — обрадовалась лягушка. — Пойдём, пойдём скорее. Дома я тебя хорошо угощу.

— Дорогу показать могу, — ответил муравьишка, — но угощаться не стану. Мы, муравьи, ни работать, ни отдыхать врозь не умеем.

— Ладно, ладно, пусть все идут ко мне в гости. Только бы домой засветло добраться.

Муравей спустился с дерева и побежал к озеру. Лягушка прыг-прыг, скок-скок за ним, а за лягушкой муравьи спешат, все-все, сколько их было в этом муравейнике, и в соседних, и в дальних. Со всего леса собрались они к лягушке в гости.

Вот пришли к озеру. Обернулась лягушка, а на берегу черным-черно, даже травы не видно! Глаза у неё выпучились:

„Что теперь делать? Сама же позвала...“

— Ка-какая честь, ка-ак я рада! Сейчас, друзья, пойду насчёт угощения распоряжусь. И — бултых в воду!

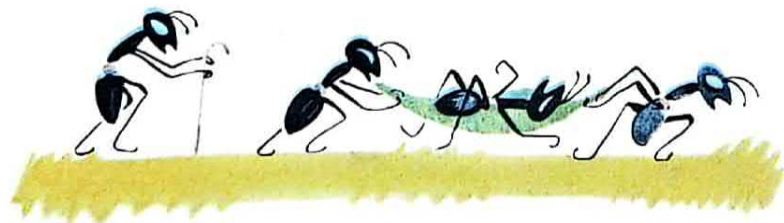
Муравьи день стоят ждут, два ждут — лягушки не видно.

На седьмой день рассердилась муравьиная матка:

— Ну, — говорит, — лягушкиного угощения ждать — с голоду умрёшь.

Затянула она потуже пояс на пустом животе и пошла домой.

Все муравьи тоже пояса подтянули и разбрелись по муравейникам. Вот с тех пор и поныне ходят муравьи перетянутые туго-натуго. А у лягушки глаза так и остались выпученные.

КАК ВОРОБУШЕК ПЛАКАЛ

Было это или не было, не знаем, сказка это или был, не ведаем. Что слышали, то и повторяем.

Скакал по ветвям акации серый воробушек. Укололся о шип и заплакал:

— Волк, волк! Давай с тобой акацию съедим.

— Некогда мне, некогда. Я собираю землянику в берестяное лукошко.

— Овца, овца! Давай с тобой волка съедим.

— Некогда мне, некогда. Я в лес спешу, на глухариную охоту.

— Глухарь, глухарь! Давай с тобой овцу съедим.

Глухарь съел овцу, овца, которую съел глухарь, проглотила волка. Волк, которого проглотила овца, которую съел глухарь, пошёл акацию жевать.

— Так тебе и надо, гадкая акация, зачем меня, воробушка, милого, хорошего, уколола?!

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Теперь летучая мышь только ночью летает. Но, говорят, было время, летала она при свете дня.

Вот однажды ясным утром вдруг кинулся к ней серый ястреб.

— Добрый день, уважаемая! Наконец-то мы встретились, три года ищу тебя.

— Меня? По какому делу?

— Все птицы своих сыновей в птичье войско посылают. Одна ты их под крыльями прячешь.

— Да разве я птица? — Сложила крылья, спустилась в траву и побежала.

— Пожалуй, это зверь, — решил ястреб и улетел.

Бежала летучая мышь, бежала, как

вдруг из-под куста выскочила серебристая лисица.

— А-а, голубушка! Вот ты и попала! Седьмой год ищу тебя.

— Меня? Для чего же?

— Будто и не знаешь! Все звери своих детей в звериное войско посылают, одна ты сыновей прячешь.

— Да разве я зверь? — Расправила она крылья и улетела.

„Пожалуй, это птица“, — подумала лиса и побежала своей дорогой.

С того времени летучая мышь, боясь с лисой встретиться, бегать вовсе перестала. И днём летать не смеет, ястреба опасается.

Так и живёт в сумерках, в страхе. От зверей отеклась, к птицам не пристала.

ЖАДНЫЙ ГЛУХАРЬ

Роняет берёза золотую листву, иглы теряет лиственница. Дуют злые ветры, падают холодные дожди. Лето ушло, осень пришла. Птицам время в тёплые края лететь.

Семь дней на опушке леса в стаи собирались, семь суток друг с другом перекликались:

— Все ли тут? Тут ли все? Все иль нет?

Только глухаря не слышно, не видно.

Стукнул беркут своим горбатым клювом по сухой ветке и приказал кукушке:

— Зови сюда глухаря!

Полетела кукушка в лесную чащобу.

Глухарь, оказывается, здесь — на кедре сидит, орехи из шишек лущит.

— Ку-ку, ку-ку, — нежно кукушка глухаря окликнула.

Обернулся глухарь:

— Осенью для чего кукуешь? Меня куда зовёшь? Я ем! Не видишь, что ли?

— Уважаемый глухарь, все птицы перелётные в тёплые края собрались. Вас одного дожидаемся.

— Ну-ну, всполошились! — проскрипел глухарь. — В тёплые земли лететь не к спеху. Сколько здесь, в лесу, орехов, ягод... Неужто всё мышам да белкам оставить?

Вернулась кукушка.

— Глухарь орехи щёлкает, лететь на юг, говорит он, не к спеху.

Послал тогда беркут проворную трясогузку.

Прилетела она к кедру, вокруг ствола десять раз обежала.

— Скорее, глухарь, скорее!

— Уж очень ты скорая. Перед дальней дорогой надо маленько подкрепиться.

Трясогузка хвостиком потрясла, побегала, покликкала глухаря, покликкала — да и улетела.

Разгневался беркут, повелел птицам немедля в тёплые края лететь.

А глухарь ещё семь дней орехи из шишек выбирал, на восьмой вздохнул, клюв о перья почистил:

— Ох, не хватит у меня сил всё это съесть. Жалко такое добро покидать, а приходится...

И, тяжело хлопая крыльями, полетел на лесную опушку. Но птиц здесь уже не видно, голосов их не слышно.

— Что такое? — глазам своим глухарь не верит: опустела поляна.

Горько заплакал глухарь:

— Без меня, без меня птицы в тёплые края улетели. Как теперь буду я здесь зимовать?..

От слёз покраснели у глухаря его тёмные брови.

С той поры дети, внуки и правнуки глухаря, эту историю вспоминая, горько плачут. И у всех глухарей брови, как рябина, красные.

ДОБРАЯ КЕДРОВКА

К осени бурый медведь толстым, ленивым стал. Он по лесу не спеша ходит, через тонкие колоды переступает, а увидит бревно потолще, в обход идёт. Лени ему шагнуть повыше.

Вот на лесную поляну выбрался. Посреди этой поляны стоял могучий кедр. Шишки на том кедре тяжёлые, будто свинцом налиты.

Медведь губы языком облизал, вздохнул даже:

„Ох, и сладки должны быть в этих шишках орехи...“

А лапу поднять ему лень.

Вдруг — хлоп! Шишка! Стукнула медведя по темени, упала к ногам.

Поднял её медведь, выбрал орехи, съел. Снова вверх глянул, не упадёт ли оттуда ещё? И увидел рябую птичку кедровку.

Она сидела на ветке, клевала орехи, нечаянно уронила шишку, шишка стукнула медведя. Что теперь делать, как оправдаться? Испугалась кедровка. Перья у бедняги взъерошились, даже взлететь не смеет, голос дрожит:

— Ой-ой, уважаемый дедушка медведь, я вам самую хорошую шишку сбросила. Для вас всё лето берегла её, от птиц и зверей охраняла. Могу ещё такую сбросить, если пожелаете...

— Ладно, потрудись для старика, посшибай ещё шишек, какие потяжелей...

Кедровка голову набок склонила, одним глазом на медведя глянула — ничуть, оказывается, не страшно! Осмелела:

— Милый дядя медведь, посмотрите на меня хорошенько! Ну много ли я своим клювом шишек сшибу? Вот если бы вы и сами для себя хоть немного постарались...

— Это можно бы, можно бы ветки потрясти, да шишки-то покатаются по всей поляне, где уж тут мне, старику, их собрать?

— Э-э-э, дядюшка! Были бы шишки, а сборщики найдутся. Для нас, кедровок, эта работа привычная. Только мне за вами не поспеть, не управиться одной. Если позволите, я родню свою позову.

— Зови.

Кедровка раза два крикнула, и все её родные, знакомые слетелись на поляну.

Вот принялся медведь ветки трясти, шишки сбивать: всеми четырьмя лапами работает, головой помогает. Когда на кедре не осталось ни одной шишки, сел отдохнуть. Смотрит — на поляне пусто. Лишь одна шишечка недозрелая под кедром валяется.

И к этой последней „добрая“ кедровка не постыдилась подлететь.

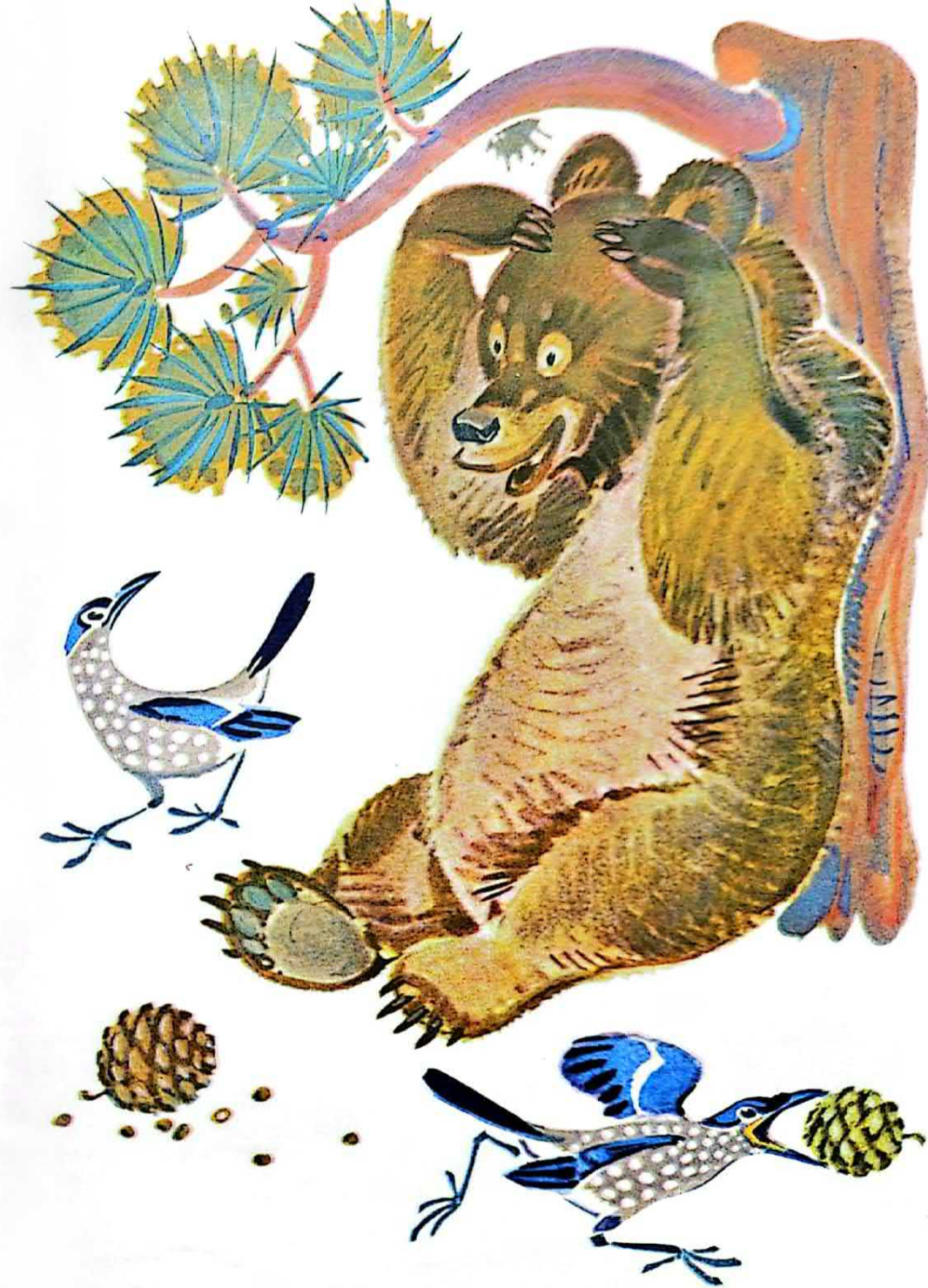
Клювом подцепила и унесла.

Рассердился медведь, хотел было беркуту на кедровку пожаловаться, да стыдно ведь признаться, что эта маленькая птичка такого могучего зверя обидела.

Махнул лапой:

— Ладно, ешьте орехи, ешьте! Сколько бы вы ни съели, всё равно такими же останетесь — малыми пичужками. А я-то, поглядите, какой большой! А к зиме ещё толще буду. Лягу на зиму спать и не нужны мне ни ягоды, ни орехи.

И пошёл медведь искать себе на зиму тёплое жилище.

ДВЕ ОДЁЖКИ

От жаркого весеннего солнца, от тёплого весеннего ветра сморщился снег, съёжился. Стала земля обнажаться, стала трава пробиваться.

И звери, и птицы весне рады, только белый заяц плачет:

— Снег, снег, не уходи! Меня, белого зайца, не покидай. Всю зиму я в твоём белом пуху ямки рыл, от мороза спасался, от врагов хоронился... На тёмной земле, в зелёной траве меня, белого, всякий увидит, каждый обидит. Снег, снег, не уходи! Меня, белого зайца, не покидай!...

— Остаться здесь не могу, а вот шубу твою белую, если хочешь, с собой унесу. Ты сшей себе на лето бурую поддёвку. Будешь прятаться за стволами, за кустами, в листьях прелых, в густой тени. А зимой я опять приду, на землю паду и белую шубку твою тебе принесу.

Так они и делают. Уходя, снег берёт с собой заячью белую шубу. Всё лето, всю осень бегают заяц в бурой поддёвке. Но к зиме снег всякий раз приносит зайцу белую одёжку.

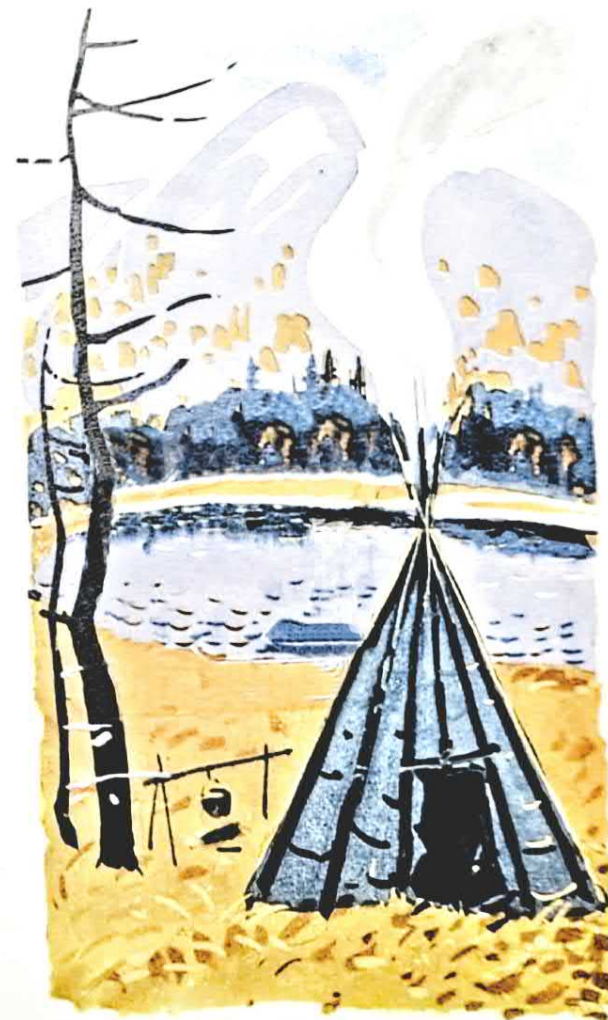

Вот какие сказки поведал нам лесной мальчик, который ездит верхом на зайце и живёт там, где небо с землёй сливается, где заря утренняя загорается.

Сказки любят, когда их повторяют, от этого они становятся ещё краше. Потому что каждый говорит их по-своему, как ему хочется, как нравится. Мы рассказали, как могли.

И ты, дружок, смелей! Расскажи эти сказки как сумеешь.

Поверь, что тебе будет любо, то и друзьям твоим понравится.

Для младшего школьного возраста

Анна Гарф, Павел Кучияк

ЛЕСНОЙ МАЛЬЧИК

(Алтайские сказки)

Художник В. Федотов

Редактор *Б. Цыбина*. Художественный редактор *Д. Пчелкина*. Технический редактор *И. Колодная*. Корректор *Н. Шадрина*. Сдано в производство 26/6-70 г. Подписано в печать 29/VIII-71 г. Бум. № 1. 60X90/8. Печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,28. Изд. № 1513. Тираж 150 000. Зак. 1286. По оригиналам издательства „Малыш“ Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Московский комбинат бумажных изделий Российского государственного промышленного хозяйственного объединения по производству игрушек „Росинструм“. Министерства легкой промышленности РСФСР, Москва, Люсиновская, 30. Фабрика офсетной печати № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Дмитров Московской области, Московская, 3. Зак. 1298.